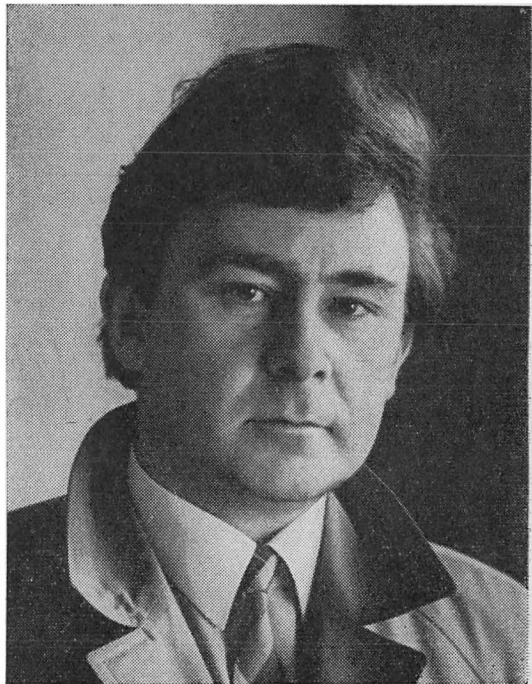

ГЛЕБ
ГОРЬОВСКИЙ

ДОЛИНА

Gr

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

ДОЛИНА

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ

1975

Р 2
Г 67

Новая книга стихов ленинградского поэта Глеба Горбовского «Долина» — его седьмая книга — составлена из лирических стихотворений, в большинстве своем написанных в самое последнее время. Диапазон поэтических мотивов книги широк, но главная ее тема — это тема Родины, тема России в ее настоящем и прошлом, давнем и недавнем.

© Издательство «Советский писатель», 1975 г.

Г $\frac{70402-034}{083 (02) - 75}$ 125—75

**ДОБРОМУ ДРУГУ —
ЖЕНЕ МОЕЙ СВЕТЛАЦЕ**

* * *

Проснулся и слышу в редеющей мгле:
«Зачем ты, зачем ты
на этой земле?
Зачем, для чего —
отвечай на вопрос —
на этой земле ты родился и рос?»
...Хотелось швырнуть в предрассветную
рань
колючее слово — дремучую брань!
Спросите, мол, наших папаш и мамаш —
зачем, почему? .. Это подвиг — не наш.

Хотелось поведать в рассветную муть
о разных болячках, что втиснулись в грудь,
о горьких обидах и прочих вещах...
Но — грянуло утро!
И ропот зачах...
Ударило солнце по струнам своим!
И высох туман.
И рассеялся дым.
И вспыхнули в выпуклом поле цветы
а в вогнутом озере — искры воды!
Зачем я родился?
Отвечу, изволь!
Чтоб радовать землю!
Немалая роль...
Чтоб каждое утро, пока я иду,
столикую славить ее красоту,
стозвонному горлу внимать!
И чиста
любовь моя к ней —
навсегда, навсегда.

ВОСКРЕСАЮЩИЙ ЛУЧ

Парусиною тучи трещат на ветру.
Я куда-то иду по степному ковру.
Словно кто-то из круга меня, из толпы
взял и вытолкнул в гулкое поле судьбы!

Половецкие копья торчат, как лесок.
Заструились монголы меж трав, как песок.
И железные немцы вошли в ковыли,
чтобы вплоть до волос — раствориться в пыли.

Обгоняют меня, обтекают волной. . . .
Хорошо мне идти после них — тишиной.
Да и кто им велел, кто их звал на Москву?
Я войной не ходил, потому и живу.

Потому и глотаю рассветную рань.
Вот овальное солнце ступило на грань.
И лежит на земле, как на круглом столе...
Растворимся и мы. Но не так. Не во зле!

Не терзая живых, не слепя, не круша...
На ладонях у солнца растает душа!

Так веди меня, степь, от утра до утра!
Сквозь татарскую рать — пропускай трактора.
Сквозь лохматые флаги рокочущих туч
пусть пронзает меня
воскресающий луч!

РЖАНЫЕ ОСТРОВА

Не затем, чтобы плавно стареть на крылечке,
я себя на ржаные завлек острова...

Я могу изъясняться на птичьем наречье,
по-медвежьи крошить бурелом на дрова;

а когда снизойдет беспричинная нежность,
с подорожным цветком обниматься могу...

Только — нет, не затем!.. Это нравилось прежде:
у истоков вращения, на первом кругу.

Из пучин бытия, из глубинного мрака
островов золотых возжелало нутро.

По какому-то очень несложному знаку
началось тяготение в радость, в добро!

...На изгибе тропы отдыхает попутчик.
Это ты, мой отец? Значит, мы — заодно?
То, что встретились мы, — это вовсе не случай,
это нами задумано было давно.

Вот рука, обопрись. Ведь не я ли— твой посох?
Нас обоих ржаные влекут острова...
И не надо, не надо проклятых вопросов,
коли эта земля под ногами — жива!

ИЗБРАННИК

Ступать дряхлеющею рощей
среди стволов и птичих стай
и думать: в мире стало проще,
ведь обнажилось столько тайн!

Идти, седи́нами блистая,
и снисходительно, как бог,
благополучными устами
благословлять следы эпох. . .

И вдруг очнуться! Мигом. Разом.
И, глядя в вымокшую рожь,
прочь отодвинуть чванный разум
и встать, как дерево, под дождь. . .

Живу! Спасибо. . . Силы — в досталь.
Всего и надо: не стенать.
Да возле старого погоста
не помрачнеть, а шапку снять.

Тебе ли, дурень, быть в обиде:
еще на свете столько нет,
а ты любил и ненавидел,
а ты уже встречал рассвет!

Другие камнем спят, намеком,
болотной ряской на воде,
а ты уже устал, измотан. . .
А чем — скажи ты мне — и где?

Здесь, на Земле? Где даже слезы —
неповторимы? Врешь, балбес!
Глотай с улыбкой лютый воздух,
неси с веселием свой крест!

И до последней капли мысли,
до вздоха смертного в груди —
блюди восторг, избранник жизни!
И тише мыши уходи. . .

ЧЕРНЫЕ КОНИ

В этой деревне их кто-то лелеял.
Вон за оградой, за дряхлой аллеей,
в старом, еще довоенном загоне —
лошади-кони. . .

Плавают головы их вороные,
черные головы — кони ночные. . .
Я их едва различаю при этом.
Все — силуэты.

Хочется тронуть их мшистые губы.
В веке двадцатом не будет ли грубым —
трогать? И боязно так прикоснуться:
вдруг да — проснутся?

В плотных потемках сопенье и ржанье.
Сердце, мы разве с тобой горожане?
Нет, мы земляне с тобою... И кони
с нами знакомы.

Просто они приустали на фоне
грозного века. . И всяческой вони.
Ишь — почернели, ни блика на теле...
Так закоптели.

...Но возвращаясь с рассветом на поезд,
тщетно вертел я башкой, беспокоясь:
там, где гуляло зверье вороное,
было — иное!

Золотом светлым и золотом рыжим
красный табун разливался, недвижим.
Замерли их любопытные очи...
Не было — ночи.

Не было черного цвета на коже.
Разве малыш тонконогий... Но тоже —
даже и он — подрастет, посмелеет
и посветлеет.

* * *

Склонили головы подсолнухи,
как будто стая старых птиц.
На ветке яблоко не сорвано,
но и оно —
упало ниц.

Последний трактор с поля пыльного
ушел, даруя тишину.
И туча злая,
но бессильная
ушла в соседнюю страну.

Вдали огни последней станции...
Помашем поезду рукой.

Помашем зябко...
И останемся
за этой русскою рекой.

И, оседлав коня колхозного,
что одичал меж тракторов,
мы будем плыть,
как бы по воздуху,
среди объемистых коров.

И, взяв бесштанника чумазого
с собой на теплого коня,
я расскажу ему не сказочку,
а что-нибудь
на злобу дня:

про то, как жить под этой просинью
и хорошо,
и не беда,
что на деревне тихо осенью, —
ведь где-то есть
и города...

В ДОРОГЕ

1

Корявые хвойные лапищи
за волосы держат дожди.
. . . Появится сельское кладбище
однажды на нашем пути.

И, словно сойдясь на собрание,
собьется там кучка крестов.
И утро такое уж раннее,
такой тебе праздник Христов. . .

Давай остановим движение,
пусть будет одна тишина,
одно голубое сближение
немыслимой яви и сна.

Распята сухая дорога,
прибита ногами к земле.
Неправильно, косо, убого
придуманы избы в селе.

Запечною мышкой из норки
взирает старуха в окно.
Во рту ее крошки от корки,
в глазах ее бывших темно.

Скажи мне, родная старуха,
куда ты глядишь веково?
...И кружится черная муха.
И, собственно, нет никого.

ДОМ

Вращался лист у входа в дом
над дверью,
как на ниточке. . .
Семья сидела за столом,
тянула щи из мисочки.
В углу маячило бельмо
немого телящика.
И лето по полу само
ходило кошкой вкрадчивой.
Сквозила гибкая ленца
во всех его движениях. . .
И чуб у юного отца
все падал в пальцы к женщине.

И два молочных крепыша
(загар — топленой корочкой)
под стол ходили не спеша,
как селезни — на корточках.
Стояла яркая гармонь,
как памятник, на кружеве.
Упавший нюхала лимон
собачка с тихим ужасом. . .
И было так у тех дверей
и солнечно и истинно,
что я отпрянул поскорей
и застеснялся искренне.
Вращался бешеный листок,
сочился воздух розовый. . .
И был старинным мой восторг,
как церковь под березами. . .

* * *

Не плачь ты, осень, безутешно,
как перед злом, перед бедой, —
я знаю, ты бываешь нежной
и золотой, и золотой.

Пустынны голые долины,
ни стебелька, ни колоска. . .
Лишь отголосок журавлиный
издалека, издалека.

Твоих волос коснулся ветер,
упали тени на лицо.
Но все еще на зорьке светит
твое кольцо, мое кольцо. . .

Мелькают дни, выходят сроки,
и мы внезапно узнаем,
как трудно в осень одиноким,
но мы вдвоем, но мы вдвоем. . .

Листок последний на березе. . .
Выходит лето из игры.
Последний луч бросает в осень
из-за горы, из-за горы. . .

Сил не хватает для улыбки.
Возьму у дождика струну,
сыграю что-нибудь на скрипке
про ту весну, про ту весну. . .

СВИДАНИЕ

Дождь прекратился. Последние капли шарят по крыше.

Вышел из тучи горбатенький карлик.
Замер. Не дышит.

Рядом звезда загорелась! Другая...
Взмыли созвездья.

Где ты, скажи мне, моя дорогая?
«Глупенький, здесь я...»

Я в этих листья омытых и травах,
в месяце гнутом.

Я у тебя в волосах кучерявых —
шорохом, гудом. . .»

Где ты, любимая? Все эти знаки —
лишь разговоры. . .

Где твое тело в румянце, как в лаке,
где твои взоры?

Слышу всего лишь — комарик над ухом:
зуммер животный. . .

«Здесь я! И телом горячим, и духом. . .
Слушай же! Вот я. . .»

Ты сквозь меня проросла бы. . . Мне мало!
Где ты, живая?

Жарко меня в эту ночь обнимала
травя полевая.

НОЧНЫЕ РОМАШКИ

Пришла. Глазастые ромашки
вонзила в раму на стене.
Была такой ручной, домашней,
ночной и очень нужной мне.
Мир как бы съежился. . . И космос
отхлынул, дав передохнуть.
И сладко вытянулись кости,
и ночь вошла в глаза и грудь.
Я был спокойней, чем ребенок,
а ты — тревожнее, чем мать.
В окне торчала горсть избенок,
река пыталась задремать.
Ромашки жмурили ресницы.
А мы — звереныши земли —
свои рассматривали лица,
но распознать их не могли.

СЧИТАЛКА

Я из комнаты в комнату милой писал
письма.

Холодна ты, писал я, стекляшка, металл,
призма!

Погрустил, постенал и простил, приустал. . .
Хватит.

Пегий лес напестрил, наразвел, нахлестал
пятен.

От такой красоты, немоты, дремоты
душно. . .

Заживем-ка опять, тень и свет, я и ты —
дружно.

На душе от меня не держи, не таи —
ночи.

Посмотри-ка сюда, распечаль-ка свои
очи.

У тебя в глубине, на нехоженом дне
взора
появился ледок! — и растает он не
скоро. . .

НЕ МУДРСТВУЯ

Сижу на пне — венец природы, —
мудрею, глядя на луну,
и, уплетая бутерброды,
бросаю тень на тишину...

Сижу... Жалею пташек, мошек.

А в дымном городе дружок
меня докликаться не может,
в окне трепещет, как флажок.

Сколь беззащитны в женской доле
рука, походка, прядь волос...

И, насидевшись на престоле,
я вдруг люблю тебя всерьез!

Бегу! Беру в ладони лик твой...

Но синий дым в твоих глазах
не разогнать уже улыбкой,

как год, как миг тому назад.
И я прошу, прошу прощенья,
и, бог ты мой, как ты проста!
Ты мне опять — и утешенье,
и свет, и помощь до креста.
И ведь не надо слишком мудрым,
не надо даже вечным быть,
чтоб, как зарю, как песню утра,
тебя встречать,
тебя любить.

УЛЫБКА В ЗЕРКАЛЕ

Привыкай, поэт, к морщинам,
к седине. . .

Расхмурь чело.

Говорят, что для мужчины
не смертельно это зло.

Так-то так. . .

Но в час веселья

взноет что-то там в груди:

пережит уже Есенин,

Блок остался позади. . .

Все как будто бы в порядке.

Но проснешься в час ночной,

выйдешь в тапочках
на грядки
да затихнешь под сосной:

в небе, гордом и вершинном,
поздним рейсом,
не спеша,
пробирается машина,
как заблудшая душа.

Ну, а ты стоишь на месте
под сосной. . .
Врастаешь в роль. . .
Белый свет уже изъездил
поперек и малость вдоль.

Хорохориться не будем:
на сосну уж не залезть. . .
Хорошо, что рядом люди,
правда спящие,
но есть!

Можно чье-нибудь дыханье
положить себе на грудь. . .

И куда-то в мирозданье
улыбнуться,
как вздохнуть.

* * *

С каждым годом все ненужнее,
все никчемней зеркала. . .
Ну и дьявол с ней — с наружностью,
что приличною была. . .

И теперь, когда уж серая,
точно в пепле, борода,
чаще смотришь ты не в зеркало,
а на звездные стада.

И не то чтобы отчаянье
вдруг берет, — не в этом суть;
так ли, иначе — отчаливать,
все Гагарины чуть-чуть.

Космонавты по призванию,
все — на круглом корабле. . .
И ни встреч, ни расставания —
просто доля на Земле.

* * *

Да святится имя твое, Земля!
Мне, ступившему на твои поля,
разреши любить тебя, допусти
до своих щедрот, до тепла груди.
Ты доверься мне: я ведь есть твой сын.
Без ружья иду, мужиком босым.
Не топтать травы, не деревья класть —
отдохнуть хочу, отдышаться всласть...
Много разных дел за моей спиной.
Неразумным был: жил одной весной...
А пришли дожди, а сошла листва —
растерялся я, устоял едва!
Остуди мой ум, вразуми, Земля!
Вот иду к тебе по лугам, пыля...

Так мой дед ходил по тебе косцом.
На твое лицо упаду лицом,
прокушу ручей, в грудь впущу струю
и, прости, пойду — возвернусь в семью:
там, в стране людей, в стане разума,
жить и здравствовать мне приказано,
мне, взошедшему на твои поля. . .
Да святится имя твое, Земля!

ЖИВАЯ ВОДА

Поить беспомощную землю,
как будто лошадь из бадьи. . .
Она к тебе ростками всеми,
губами жметя:
напой!

Поймать в реке волну за гребень
и в обомлевший сад нести.
И лить,
и чувствовать, как крепнет
листва, шуршащая в горсти.

До зноя в теле, до ползучих
дорожек пота на спине. . .

Носить и лить!
И доброй тучей
себе привидеться во сне.

Над приунывшей травой
раскинув радость,
с высоты
пролиться влагою живою,
преобразив себя в цветы.

А там пускай себе считают,
что ты и не был на земле. . .

Вон на столе вода простая.
Вода ли это
на столе?

КТО ОН?

По дороге возле неба,
по остаткам гор и рек
пробирается нелепый,
нестандартный человек.
На устах его улыбка,
за плечами... только тень.
По запарке, по ошибке
он не ест который день.
Что ему очаг и пища,
если он со скукой врозь?!
Если столько красоты
в этом мире развелось...
Он целует снег бесшумный,
у костра ласкает дым...

— Он безумный, он безумный! —
кто-то каркает над ним.

...Ремешком к нему собачка
кое-как прикреплена.

— Эй, здорово, неудачник! —
кто-то ляпнет из окна.

А ему одна забота:
улыбаться всем подряд...

— Идиот он, идиот он! —
даже дети говорят...

В деревнях его кондовых
старики — из века в век —
принимали за святого,
зазывали на ночлег.

Да и спрашивать не надо:
кто он — местный или гость?
Кто зажег цветы над садом?
Да никто!

Само зажглось.

МЕТЕОРИТ

Сквозь космические заросли
ты откуда к нам?

Ответь.

...Сколько нужно юной ярости,
чтобы, вспыхнув, не сгореть...

Весь оплавился.

Но — ястребом,
но — продрался!

И в когтях

вести смутные, неясные
нам принес о тех
страстях.

Тех, мерцающих, трепещущих
и клокочущих — без нас...

Ни одной на теле трещинки
у тебя на этот раз.
Вот лежишь ты на подушечке,
хорошо тебе небось?
Может, вовсе не бездушный ты,
просто мыслишь этак — вкось. . .
Значит, родственничек все-таки. . .
Не исчез в земной среде.
Из такой же плоти сотканный. . .
Лишь одно неясно: где?
Где тебя лепили-квасили,
начиняли силой — кто?
И намного ли прекраснее
моего — твое гнездо?
Извини, коли расспросами
досадил. . . Живу в глуши.
. . . Ну, спасибо, друг непосланный,
поболтали от души!

НАРУШИТЕЛИ ТИШИНЫ

Глазами вижу тишину.
Вокруг земли она — как крыша.
Пошевели впотьмах струну —
в другой галактике услышат.

Молчанье. . . Нет ему цены.
Что наша жизнь? Не что иное,
как нарушенье тишины,
изничтожение покоя.

Оповестит о первом дне
младенец — криком! (Звенья цикла.)
А в запредельной тишине,
глядишь, вселенная возникла.

...Пора, душа! Зачни, затей
свой мир, свой шум — в тиши
несметной...

Легко,
как скрипочку Эйнштейн,
планету держит луч рассветный.

ТОКИ

Опять болотные бахилы
меня уводят от избы.
Сползает в травы дождик хилый
и превращается в грибы.
Кот, проводив меня до леса,
вдруг повернет, исполнив долг.
Сейчас он дома сядет в кресло,
затем потянется на стол,
под абажур, под зной электро...
А мне приспичило в бега.
Мне лес — как старый добрый лекарь
от самого себя — врага.
Все чаще сверхнеобходимо
услышать шаткий шум деревьев,

коснуться пня, как побратима,
плетенье тропок обзрев.

Все цело!

Ягода сигналист,
из-подо мха свистит вода.

И эхо словно в тронном зале!

Все неизменно,

как тогда,

как в ту далекую эпоху,

в ту,

детством названную рань...

И вот уж там, где было плохо —

в душе, —

смолкает боль и брань.

И не пугает век железный.

Я слышу каждый лепесток,

всю кровь земли

и тот чудесный,

без проводов бегущий — ток!

Весь черный пар, как через клапан,

из головы вся блажь — долой!

И я, как хитрый кот под лампу,

иду с улыбочкой домой.

* * *

Ю. Шигашеву

Всю ночь собака лаяла надсадно,
и мчались облака, облитые луной,
плыл аромат
кочующий из сада,
и образы клубились надо мной...
Вот тоненькая женщина в объятьях
дождливой улицы возникла...
Или вот —
над куполом, над городом распяты
сбежавшего распятого зовет...
То чья-то радость вспыхнет и погаснет.
То чье-то зло выходит из орбит.
Вдруг, словно ветер, налетает праздник
на человека, что устал и спит.

...Всю ночь собака лаяла и выла.
Всю ночь душа видения ловила.
Всю ночь из умирающего сада
в окно текла душистая прохлада.

РЯБИНОВЫЙ ХУТОРОК

Здесь был когда-то хуторок.
И лес, венчавший эту мызу,
был часто пегим от сорок
и светом радости пронизан.

Но ярче прочего в глазу,
во взоре памяти завязла
над домом льющая красу
рябина хрупкая, как ваза. . .

Конечно, в домике тогда
жила девица — грез источник.
И я смотрел из-за куста
в ее мерцающие очи.

Затем — смелел. Стучал в окно.
Манил ее под плед рябинный!
...Как было все это давно.
Какие мозг взрыхлил глубины.

Теперь ни дома, ни двора.
Все поросло дремучей былью.
И лишь рябина, как вчера,
стоит, раскинув те же крылья!

Летит, как диво, как любовь...
И вокруг ствола ее побег
несут все ту же явь и новь,
все те же хрупкие доспехи...

Рябина горькая, гори!
Еще не раз в костре незримом
тот хуторок, как Древний Рим,
в душе воспрянет — Новым Римом!

ПАРОВОЗИК

Вдоль насыпи, которая
вела в страну берез,
я встретил тот, из города
бегущий паровоз.
В лице его затравленном
чумазая тоска.
Заклепаны, залатаны
помятые бока.
Локтями бил он бешено,
как будто вслед за ним
клубились силы грешные,

а не какой-то дым. . .
Бежал. . . Все было кончено.
Как волк — гоним толпой.
Ни одного вагончика
не влек он за собой.
Как будто камень, брошенный
через плечо в кусты. . .
Всего тебе, взъерошенный,
прощай. . . Лови цветы!
. . . А я стоял, и, ахая,
душа дымилась вслед.
Ес терзали запахи
тех просвистевших лет!
Той юности, той младости,
той святости хмельной,
теперь — линялой, латаной,
чумазой и больной,
что сгнула, что канула,
мелькнув цветастым сном,
как кукла балаганная
над грязным полотном. . .

ПОПЫТКА ВОЗВРАЩЕНИЯ

Над седым городком погромыхивал гром.
По-пластунски осваивал Волгу паром.
И сносила заносчивых лодок стада
под незримый уклон проходная вода.
Окропленный из тучи пролетным дождем,
я себя уводил потаенным путем
в заревые луга, теневые леса,
где ждала меня молодость — жизни краса.
Облетала пчела мой клубок головы.
Чей-то голос касался, как луч, синевы. . .
И казалось, что шел я сквозь время назад,
прямо в юность свою, в тот заброшенный сад.
И хоть встречные звали меня чужаком,
я-то знал, что не шапочно с ними знаком.

И уже постигая всю бездну беды,
я ручья не топтал, не калечил цветы. . .
И слегка побледнев,
как воспитанный гость,
оставлял я при входе и вялость, и злость. . .
Костенела спина, напрягалась нога.
И не больно мне было, а горько слегка.
Я ведь знал:
там, куда я спешил по весне,
даже слезы — и те не достанутся мне.

ПЕРЕД ПОЛЕТОМ

Легчайшая, промчавшаяся пухом,
на склоне неба выдохлась звезда.
Душа ждала...
Ворочал космос брюхом.
Над головой трещали провода.

Опомнившись, отброшенная телом,
душа ждала...
Дышал аэродром.
И отлетали в свете пожелтелом
тела людей, спокойные, как бром.

Стонная, как хрупкая надежда,
тень лайнера покинула бетон.

Душа ждала...
Хлестала щеки нежность.
В стоячих буквах дергался неон.

Бескрылые чирикали созданья
меж водорослей гнутых фонарей.
Душа ждала...
И опускалась стая
очередных стальных нетопырей.

* * *

Писать уехал светлые стихи
туда, повыше:
в снежные верхи.
Забрел я в горы,
в заросли раздумий.
В толпе камней,
как в окруженьи мумий,
рожаю книгу...
И не на бумаге:
пишу стихи на туче, на овраге.
Пишу — то вздохом,
то холодным взглядом.
С дороги птицы отдыхают рядом.
Сдувают ветры по крупице горы,

уносят их в тягучие просторы.
...И все тревожней.
С каждым днем тревожней...
То ночь — не та,
то день какой-то ложный.
Лукавят камни.
Смех во рту — фальшив...
Да жив ли я?!
Хотя, конечно, жив...

* * *

Беспечен, как снег на вершине,
взойду я на гребень гряды.
Здесь можно гулять на машине:
бараньи дороги тверды.

Здесь солнце — как воздух: без цвета.
Стоишь, этим солнцем умыт.
Гляди-ка, на склоне планеты
большая Камчатка дымит!

А вон и родимая крыша
в ногах у балтийской воды...
Куда же ты, сердце?! Подышим!
Хлебнем ледяной высоты.

Здесь плавится рядом светило:
коснись — и растает ладонь.
Снега здесь напитаны силой,
не киснут, хоть ближе огонь.

И видимость! Зримость... Охватность.
Стоишь на приеме у звезд...
Но просится сердце обратно,
куда-то туда, в сенокос,

к стальному изгибу дороги,
к ползучим пахучим дымам,
где мы себе сами
и боги,
и вечность,
и весь ее храм!

СИРЫЕ ГОРОДА

В. П.

Сиротливы эти грады,
где нас нет, но где мы были...
Погрустневшие громады,
где мы в спешке гнезда вили.

Эти станции, станицы,
перекрестки, судеб стыки.
То ли люди, то ли птицы,
то ли лица, то ли блики.

Где-нибудь в углу маршрута,
обживая пунктик некий,
так прощаться стало трудно,
точно всякий раз — навеки...

Приласкав вокзал курносый,
потрепав вихор сирени,
ощутить, как нежный воздух
рассекает плеть сирены!

И, прощаясь подло, скоро,
рассыпая клятвы звонко,
оставлять притихший город,
словно малого ребенка.

СТАРАЯ ПЛАСТИНКА

Вращался диск, и голос вкрадчивый
был как засушенный цветок.
Плыла мелодия прозрачная,
не потревожив городок.

Был вечер теплый перед осенью,
и голос был — под стать ему...
Вращалось певчее колесико
в старинной песне, как в дыму.

А шум иглы — дыханье сиплое
крылатых лет... И вспомнил я:
так пела женщина красивая —
тревога давняя моя.

Еще в войну, в каком-то сборище,
где был у взрослых патефон,
ее услышал я, и ноюще
рванулось сердце ей вдогон!

Ах, эти грезы! Не нелепо ли?
Восторга сколько! Все — в песок...
Наверно, женщины и не было,
а был всего лишь голосок —

мечта, украшенная звуками...
Но ведь была! И сквозь судьбу
еще не раз меня аукала,
звава с дороги на тропу.

...Вращался диск, печаль раскручивал,
и голос бился, как слепой,
над той рекой, над той излучиной,
где мы не свиделись с тобой...

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ ПИЛОТА

«Остаюсь на Земле!» —
эта надпись настолько внезапна!
На могиле пилота,
как явственный голос, — строка. . .
И не дрогнет пропеллер
у времени в ласковых лапах
на могиле пилота,
одетой в мучные снега.
И хотя на снегу
след к могиле тропую не вился,
ни царапины не было
(разве что — птичий пунктир),
он лежал на Земле,
на которой когда-то родился,

на которой сумел
полюбить этот бешеный мир!
Этот снег, этот лес,
этих птиц заводной балаганчик,
это мудрое небо
и грустных под старость людей...
«Остаюсь на Земле!» —
очень правильно сказано, мальчик.
Жаль, что ты поспешил...
(Этот век лобовых скоростей!)
Жаль, что нету цветов
для тебя...
Понимаешь — зима тут.
Все еще впереди!
(Это я говорю о весне.)
...И вращался пропеллер,
обнявшись с землею крылатой,
и светились, как рыбы,
иные миры в глубине.

* * *

Бездомная лошадь
сдыхать не хотела:
копалась в помойках...
Была же у дела.
Придет и молчит у крыльца магазина.
На морде отвиснет губа,
как резина.
Накроет туманом глаза ей
дремота...
Бывает, что пряник протянет ей
кто-то...
Бывает и хуже:
к поникшему носу
приставят горящую — вдруг — папиросу.

...В рабочем поселке работали люди.
Они пребывали в заботах,
в простуде.
Они задыхались в любви
и печали
и лошадь, как правило,
не замечали.
Обычно в отхожем помойном овраге
ее окружали
худые собаки.
Вели себя мирно.
Не выли, не грызлись.
Совместно делили мгновения жизни.
И было смешно, и тревожно, и странно
увидеть,
когда еще сыро и рано,
увидеть, как в сером тумане рассвета
куда-то тащилась компания эта...

* * *

Борису Тайгину

Стороной объезжаю Васильевский остров.
Ежедневно в былое кататься несносно.

Я сажусь на такие электротелеги,
что окольно минуют знакомые бреги.

Здесь, на линиях острова, в темных подъездах,
слишком много оставлено светлого детства.

Здесь пушистая юность в погоне за новью
так нещадно терзалась войной и любовью.

...Я живу на окраине нынче. Свобода!
На опушке любимого града. У входа.

И в меня эти грани судьбы — парапеты —
не врезаются больше. Те песни допеты.

И лишь где-то весною, в порожние ночи,
иногда я туда забреду ненарочно

и ступаю, влачусь, превратясь в ротозея, —
словно спящим большим и холодным музеем.

...А вообще-то туда — нездоровая тяга,
как порою в болезнь, в полубред... И однако,

словно мать у постели, с малиной и медом,
этот каменный остров к юдоли приметан.

Стороной объезжаю, а остров, как башня,
отовсюду глядит в меня оком вчерашним.

СНЫ

1

С вершины Петропавловского шпиля.
я сделал шаг и медленно пошел. . .
Внизу седые здания застыли,
присыпал город снежный порошок.
А я шагал, и воздух онемслый
похрустывал по-зимнему в ногах. . .
О, наконец-то уличное тело
в таких роскошных числилось бегах!
Потел завод, отплевываясь дымом,
спала Нева. . . И медный государь
все уезжал
куда-то вдаль и мимо,
беспомощный, как и любая тварь. . .

Я проходил — незримый и мгновенный —
и видел все:
как дева на углу
в который раз ждала свою измену;
как бил родитель
дитяtko в скулу;
как под трамваем трепетали ноги;
как наливались зноем этажи;
как дьяволята уезжали в боги,
закладывая лихо виражи!

2

Земля покрылась колокольнями,
звенящим камнем поросла.
Над всеми счастьями и болями
вздымали звяк колокола!

Ни зябких зданий общежития,
ни мачт, ни столбиков, ни труб...
Стоит одно звонопролитие
от языков и медных губ!

Земля, щетинистая воплями,
в сплошной завинчивалась крик.
Там, в мироздании, как во поле,
она гуляет вечный миг. . .

Три миллиарда колоколенок,
и каждый звон неповторим!
И ни царей, ни обездоленных:
земля и звон — лицо и грим.

Земля, нагруженная музыкой,
плыла, лавируя меж звезд. . .
И каждый голос был неузнанным,
и всяк в себе свой гений вез.

ИРОНИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

1. ПАМЯТКА

Ты сидишь за столом,
на столе каравай.
А ведь утром ты мог
угодить под трамвай.
Ты читаешь рассказ про охоту и дичь,
а в обед на тебя мог свалиться кирпич.
Ты ложишься в постель после дозы кино,
а ведь мог утонуть и сгореть заодно!
Так что, милый дружок,
улыбайся, сопя:
сколько разных смертей
миновало тебя!

2. РОДИТЕЛЬСКИЙ ДИАЛОГ

— Повисеть на парашюте б
хоть разок!

— Тише, дети, папа шутит,
спи, сынок. . .

— Поплясать бы на вулкане
танец твист!

— Папа просто хулиганит!
Вот — артист. . .

— Лечь бы на зиму в берлогу,
как медведь!

— Папа наш устал немного,
служит ведь. . .

— Посадили бы соседку
да в тюрьму!

— Папу вредно слушать, детки,
тьфу ему!

— Покупаю вместо шляпы
мотоцикл!

— Ну и весело нам с папой,
прямо — цирк. . .

3. АКТРИСА

Старуха — бывшая актриса —
жила настойчиво, как дуб.
Она все нюхала, как крыса,
совала желтый ноготь в суп,
а после в рот с губами в краске...
Завидя счетчик на стене,
всегда закатывала глазки:
«Жрут, паразиты, свет! А мне —
плати последние копейки!»
Сосала пряник на меду
и в нафталинной телогрейке
стояла стойко на посту,
на кухне сутками бессменно
мешала стряпать, пить и есть,
стояла длинно, как антенна,
как несвершившаяся месть!
Но неизменно каждый месяц
в день пенсии, в день торжества,
вся отказавшись от «агрессий»,
ее сверкала голова!
Сверкала пьяными глазами...

И вот она уже — Кармен!
Трясет седыми волосами...
Готова к подвигам измен,
готова к ласкам и браслетам,
готова к пляскам прежних лет!
...И кости рук ее скелета
гремят, как пара кастаньет!

4. ПРИЯТЕЛЬ

Заходит приятель, в ловушке — глаза...
Он боком идет, причесав волоса.
Не ты ли, приятель, придумал тоску?
А он отвечает по-птичьи: «Ку-ку».
Я пищи нарезал. Бутылку на стол.
А он с интересом сосет валидол.
Довольно, приятель, валять дурака!
А он отвечает: «Налей молока...»
И пил он, как птица, задравши башку.
Философ... А рыльце, наверно, в пушку...
Послушай, приятель, ты, может быть, йог?
...А он уже спал и ответить не мог.

Я взял его на руки (сорок кило)
и снес на диван осторожно — как зло.
Вечерние тени прилипли к стене.
И мне показалось: он плакал во сне...

КАТАКЛИЗМ

Погас в огромном доме свет.
Остыла влага в «батареях».
Знать, что-то там сошло на нет:
стряслось — не светит и не греет.

Надев домашнее пальто,
то, что поплоче, попропащей,
сiju, беспомощный. . . А что? —
как где-нито в дремучей чаще.

Гляжу туда — в полночный час,
в квартал, заснеженный и мнимый.
Вот если б отключили газ,
и — все тогда. Как мы ранимы!

Чур, чур меня! Зажгу свечу.
Сварю чайку, прочту страницу.
«Эгей, соседушко, — кричу, —
зайди на чашечку в темницу!»

Сосед с мороза, полный сил,
обдаст надеждой — черт везучий!
Глядишь — и точно! — воскресил.
И рассказал забавный случай.

А там — и спор! Начав кряхтя,
кричишь, как будто весь из меди!
...А там и свет зажгли, хотя
никто сей фактор не приметил.

* * *

Все некогда осмыслить бег времен:
крушенье эр, эпох звездопаденье,
мерцанье душ в коробочках имен,
стремленье тел за собственной тенью. . .

Больничным коридором узок путь.
В конце — дыра: общение с родными.
Так в чем же суть? В падении на грудь?
Но кто спасет, но кто тебя примет?

Кто не прогонит с собственной груди,
кто на тебя прольет молитву взгляда?
Любовь людей! Иного нет пути. . .
Она — в тебе. И звать ее не надо.

ИЗ СТАРЫХ СТИХОВ

1. ОДИНОЧЕСТВО

Страшней всего —
остаться одному.
Таскать по свету душу,
как суму.
Стучать в дома,
завешенные тьмой,
и всякий раз —
не попадать домой.
К очередному двигаясь мирку,
где выдают любовь
по номерку,
тому — сплясать,
тому — погладить круп,

того — обмыть,
как обмывают труп.
Другому — взвесить перышко ума...
Была б на гвоздь повешена сума.

2. ФУТБОЛ

В часы, когда бывает страшно
от книжек, кофия и грез,
я выхожу из блочной башни
и на футбол иду всерьез.

Как я люблю толпу, лавину!
Наверно, это с тех тревог,
когда, бездомный и невинный,
бродил с котомкой вдоль дорог.

И все — машины, человеки,
собачки, кони и мешки —
неслись куда-то, слившись в реки,
ползли и делали прыжки...

И те — стреляли, те — бомбили,
а те — прощались навсегда.

Но все как будто проще были...
Беда она и есть беда.

В пей и седины, и плешины,
и золотые завитки —
не просто бабы да мужчины,
а прежде: «наши» и «враги».

И если «наши», то как сладко,
как мягко возле них спалось...
Футбол! В нем есть от беспорядка,
но только волны... А не злость.

Где, на каком житейском стыке
всей селезенкой, всем нутром
сто тысяч тел разновеликих
вдруг хохотнут — как вешний гром?

...И что с того, что, скажем, Бунин
футбол третирует? .. Что в том?
Вот я беснуюсь на трибуне,
чтоб слаще думалось потом!

ДВЕ ВОЛНЫ

Я шел кирпичным переулком,
молчали старые дома.
Шаги отскакивали гулко,
как бы вещала твердь сама!

И вдруг навстречу ливень смеха!
Пожар одежд! Гитарный хлест!
Весна ли, свадьба ли, потеха? —
но что-то с городом стряслось!

А было все нежней и проще.
Шумела школа. Школьный бал.
И зал их нынче — парк и площадь,
весь посветлевший город — зал!

Я не шарахался в подъезды,
но и не пел под их дуду.
Я был нелепым, неуместным,
попавшим в юность, как в беду.

Они меня дарили дружбой,
терзали, звали, тормоша.
Но я-то знал, что им не нужен.
Ах, юность, добрая душа!

Я отплывал бочком, но гордо,
и улыбался тайно, вбок. . .
И в то, что мне явили годы,
не посвящал их, нет.
Не мог.

ЯВЬ

Сочти меня, фантаст, за недоумка,
но я не стану мучиться тобой.
Быль муравья — но быль, а не придумка —
дороже мне фантазии любой.

Что сердцу — сны? Я видел их немало.
Мой киночек и так полубредов.
Меня машина к солнышку вздымала,
мне людоед являлся из кустов. . .

Вот я ступаю лестницей собора
туда, на хоры, в темные века,
а за стеной сияет древний город,
и сквозь него народы, как река,

как этот Волхов, мудрый и степенный,
несущий думы к северным морям. . .
Вздымаюсь я, и подо мной ступени,
что устилали путь богатырям.

В соборе книги в кожаных одеждах.
В них пляшут буквы. Это тоже — мы.
(Не человечки мечутся потешно —
клубятся мысли, светятся умы!)

Мне эта явь, как кровь, необходима.
Я выхожу из храма к площадям,
где ходят люди — рядом, а не мимо —
и носят плоть, дарованную нам,

и носят плоть, а не намек безвольный!
И сквозь седые наши города
текут, текут сиятельные волны,
чтоб не иссякнуть в мире никогда.

КЛАДОКОПАТЕЛИ

Повсюду копают... Сверкают лопаты.
А что потеряли? Что ищет народ?
Неужто опять эта мода на клады?
Так шли бы копать на чужой огород.
Вот что-то нашли... Извлекают из грязи.
Я, собственно, сам дорожу стариной.
Я только боюсь, что копатель в экстазе
до срока под землю уйдет с головой.
А как же тогда эти неба просторы,
а главное — детские как же глаза?
Кто будет от них оставаться в восторге?
А травы, а прочая как же краса?
...Но вот отползает, как занавес, челка:
парнишка пролил подресничную синь,

и выронил заступ, увидев девчонку,
и вылез из ямы, исполненный сил!
А там, за спиной человечески хрупкой,
лохматое солнце, пронзив городок,
уже золотило и храмы, и груди,
и весь человечески хрупкий восторг!
Копают... Идет беспредельная копка!
Весь мир обуял воскрешающий сыск...
А парень и девушка высятся робко
на древнем холме, как живой обелиск.

РЕСТАВРАЦИЯ ФРЕСКИ

Изначальный двенадцатый век проступает.
Отпадает, крошась, девятнадцатый век.
Русь далекая грезится...
Стынь голубая
полыхает, лучась, из-под каменных век.
Вот он — лик! Человека.
Как просто, как грозно...
Прислонись и услышишь в стене голоса!
Эти своды — как будто их выпятил воздух;
превращенные в каменный груз паруса.
И не своды, а в дреме застывшие годы...
А расчистка идет осторожней, чем снег.
То не мыши, то пляшут века и народы
под медлительный скрежет речей и телег.

Государство! Твои неугасные меты
белостенно горят на родимых холмах.
Проступают глаза,
как вопрос без ответа,
как Россия, проведшая юность впотьмах...
Воссияй же! Глаза твои чище, чем прежде.
Твой разбуженный лик, как всегда, величав.
Проступай же, тревога моя и надежда,
от начала лица и до новых начал!

ЦВЕТЫ НОВГОРОДА

Ребенком — в обличье зверином,
с войны возвращаясь, с беды,
я в городе этом старинном
живые увидел цветы!

На клумбе вокзальных развалин
вели они свой хоровод. . .
И трогал я диво глазами,
и таял в предсердии лед. . .

А взрослые, то ли скучая,
скорее всего — веселясь,
меня снарядили к начальству:
проведай Советскую власть.

...В каком-то пустынном строенье,
похожем на дым без огня,
начальник (он был в настроенье)
торжественно принял меня.

Спросил: «Ты откуда, парняга?»
И был он слезой окроплен...
И выдал начальник бумагу:
сотнягу с московским Кремлем!

Вот я расписался (впервые):
Вот вышел из дома — вовне...
Простреленный купол Софии
замерно подмигивал мне.

На рынке у рыхлой старушки
купил я доступной еды.
И теплые лопал ватрушки,
и добрые нюхал цветы.

Я землю окидывал взором,
я видел и вижу в веках:
лежит окровавленный город
и держит цветы на руках.

* * *

В парке города, у входа,
где тропа легла петлей,
место казни патриотов,
пункт прощания с Землей.
На граните — даты.
Возле —

имена, наземный след. . .

Подсчитал я средний возраст:
боже мой! — семнадцать лет. . .
Боже мой, какие дети;
как могли вместить в себя
столько стойкости при смерти
и уйти, других любя?! .
Так что в нынешнем межгрозые

зря мы — горе-ворчуны —
наших мальчиков поносим
за гремучесть их весны.
Пусть воркуют их гитары.
Пусть их час не будет тих...
Там,
в немеркнущих пожарах,
молкли сверстники за них...

* * *

На костре при лунном свете
жгли седую побируху.
Не какую-нибудь ведьму —
заурядную старуху.

Приняла она за сына
партизана. Ранен, жалко...
Окатили керосином!
Скребанули зажигалкой...

Из ее избы горбатой
партизан уполз дворами.
И стоит она, распята,
в желтом пламени, как в раме.

Кто-то серый, пьян и весел,
топотал, золу вздымая. . .
И глядел на землю месяц,
ничего не понимая.

И щенячий, из-за грядки,
с перепугу, с перетруху,
чей-то глаз смотрел украдкой
на сверкавшую старуху.

ЖЕНА

В час, когда заняться печем,
на закате, вдоль села,
ощетинив остро плечи,
эта женщина брела.
Там, в тайге, где мошка кружит,
запечатан в землю, в мир,
спит ее мужик ненужный,
непослушный дезертир.
К той могиле нет дороги.
Лишь следы. И те — намек.
. . . Миг любви за век мороки.
Смог бы, господи? Не смог!
Возвращается в потемках
еле зримая, одна.

Кто она? Жена подонка.
Шрам души. Обрывок сна...
На нее собака рывкнет,
кот зловеще зашипит,
а она ступает прямо
через все. Идет, как спит.
...Вот и в тот осенний вечер
шла она, полумертва.
Лишь острее были плечи
да понурей голова.
На нее уж — ноль вниманья.
Примелькалась эта тень.
Разве кто-то скажет: «Ма-аня...
Эх ты, Ма-аня!» — сквозь плетень.
Так ушла в тайгу, как в бездну.
И пропала. Что уж тут...
Кличут. Ищут.
Бесполезно.
Я-то знаю: не найдут.
Не найдут! Ее не стало
восемнадцать лет назад.
Это тень ее витала
восемнадцать лет подряд.

Стон ее был ветра свист.
Боль ее — опавший лист.
А душа — скажи на милость! —
до конца по-женски билась.

НЕ СТРАШНО

Сняет улыбка, покрытая сажей,
костровый огонь достает до волос,
но даже палач понимает: не страшно,
что жертве не страшно, и зло не сбылось.

Ведут по трескучим сугробам босую,
ей скоро качаться в петле на ветрах,
и снега бледнеют, и стужа пасует,
и пятится скучной поземкою страх. . .

Не страшно! Ломают улыбкою губы
два слова: «Не страшно!» — и рушится
смерть.

Величие жизни. Как просто и скупо.
Всего-то и надобно — верить и сметь.

...Ты плачешь, приятель, что сиротливо и серо
проходят твои невезучие дни,
а где твоя — нет, не надежда, а — вера?
Ах, нету ее? Ну, тогда извини.

А я отряхнусь ото сна и раздумий
и выйду на берег юдоли-реки.
Я так благодарен, что жил в этом шуме
людей и деревьев, не зная тоски.

Я так благодарен, что я, а не кто-то
был именно мной, а не кем-то другим.
Что вера, иными словами — свобода,
и мне иногда напевала свой гимн!

БЕЛОРУССКИЕ БАБКИ

Они берут автобус приступом,
понаторев с времен войны
общаться с транспортом неистово
и невзирая на чины.

Почти у каждой — профиль правильный
(резьба по дереву — тонка).
Все непотребство, все корявинки
зашлифовали им века...

Блистая древними нарядами,
подняв над миром паруса,
они сегодня мчат по ягоды
в свои трескучие «ляса».

Обсмехотят девчонку брючную,
ругнут патлатого юнца. . .
Глядишь, ишую так уж скрючило,
а смех не вылинял с лица.

Автобус катится с развальцею,
теряя бабок, как горох. . .
И выступает перед «мáльцами»
какой-то местный скоморох.

Грохочет хохот сногшибательный!
И разве вспомнишь в суете,
что эти бабки — наши матери. . .
Всегда. Бесстрашно. И везде.

* * *

За окном старинный город,
речка нервная Двина.
Вот бы лечь под тем забором, —
сколько там травы
и сна.
Вон остатки старой церкви:
слабоват был динамит. . .
Рядом дед сидит
без цели,
все еще живет, дымит.
Пароходик еле лезет
на свою голгофу.

Что ж,
Вот и все.
В таком разрезе...
Глянешь — глаз не оторвешь.

* * *

Останови-ка, друг, машину
и сделай шаг с дороги в лес.
...Деревья спят.
Сквозь их вершины
луна просеивает блеск.
И никого...
Сплошная спячка.
Как десять тысяч лет тому...
Как это рядом: люди, дачи —
и вечность, влитая во тьму...
И тихо так, что — безобразно...
(Что значит — дети суеты!)
Всего-то шаг — и уж не ясно:
зачем, когда и где есть ты?

И, отворачивая очи
от смутных вечности огней,
мы говорим о всяком прочем
и никогда почти — о ней.
Как будто вечность так хотела:
снабдив людей умом творца,
ревниво держит их в пределах
начала жизни и конца.

ТИХАЯ ПТИЦА

Птица серая неслышная
по ветвям, как мышка, бегала.
Вся не птичья, как бы лишняя,
как бы родственница бедная.

Я давил губами ягоды,
отдыхал, играл на дудочке.
Но глазела влажным яхонтом
на меня она, как дурочка!

Неотступно, жадно, вкрадчиво
припадала всеми перьями,
словно я в лесу украл чего,
потерял ее доверие.

Так до самой редколесицы,
до шоссейки с мотоциклами
эта ведьма куролесила,
бесноватая и тихая. . .

И что странно: как ни слушал я,
ни словечка не промолвила!
. . .Словно — брошенная душенька.
Или — выцветшая молния.

* * *

Угорел от / хорошей погоды. . .
Наконец-то — терзание туч!
Я люблю пулеметную воду,
исковерканной молнии луч!

Натяну допотопный плащишко,
точно парус, на зябкий костяк.
Остаюсь довоенным мальчишкой. . .
Мировые проблемы — пустяк!

Полыхай, поливай, сотрясая
золотые деревья в бору!
. . .Красноперым костром повисая,
умереть бы на этом ветру.

ПОЕДИНОК

Мне говорят: «Бери топор!
Пойдем рубить кого попало!»
А я — багряных помидор
хочу во что бы то ни стало.

Мне предлагают: «Нá деньги,
купи жену, купи машину!»
А я кричу: «Кукареку!» —
поскольку так душа решила...

Меня хватают за рукав:
«Пошли в кабак! Попарим душу!»
А я в ответ на это: «Гав!» —
и зубы страшные наружу...

Зовут, скулят. . . Устали звать. . .
Молчат угрюмою гурьбою.
А я хочу поцеловать
вот это небо голубое!

З

{
* * *

Найти себя не в годы странствий,
а лишь теперь — на склоне лет,
когда ветхо твое убранство
и никаких иллюзий нет.

Найти себя, когда сломалась
пружина тела, сникла пруть. . .
И, невзирая на усталость,
с людьми дышать и говорить.

Найти себя, когда столь утлым
все мирозданье предстает.

Когда не звезды гаснут утром,
а просто — камень, газ да лед.

И все ж найти себя в сей бездне!
И сохранить в груди восторг
и к этой женщине, и к песне,
и к звону времени. . .

И вздор,
и сущий вздор, что нет причала
твоей, забредшей в мир, душе. . .
Найти себя и жить сначала
вон там,
на новом этаже!

НЕДО...

Недосказать, недопрощаться,
не наглядевшись, мчаться прочь,
терять безропотно — столь часто —
и все потери превозмочь. . .

Какая страшная способность
дана кочующей душе.
. . .И лишь однажды, в час особый,
притормозить на вираже.

В каком-то садике случайном
при повороте сонных глаз
вдруг распознать ее начало
и, ошалев, пуститься в пляс!

И обомлеть при встрече с нею,
и следом жалобно плестись,
светлея или сатанея,
но глядя только в небо, ввысь!

Но чаще. . . Чаще это — «недо». . .
Недосветить, недогореть,
недообнять, недоразведать,
недовозникнув — умереть.

БЫТЬ

Не убивать, не врать, не красть,
не соблазнять жену чужую,
не баламутить носом грязь —
все это можно зачастую. . .

И даже ближнему помочь,
и даже зверя не ударить,
и даже с тем, что скоро ночь,
смириться, вывесив фонарик. . .

Как много может человек,
танцую в воздухе морозном.
(А что Земля, как не ночлег
на перепутье в танце звездном?)

..Но как же трудно в шесть утра
подняться в сорок лет с улыбкой,
потом, когда трамвай, жара,
беззлобно плавать свежей рыбкой;

добыв еду, уняв печаль,
пригрев любимую на грудке,
пить перед сном безгрешный чай,
чтоб ощутить — весну в желудке!

И видеть небо, видеть пасть
последней двери... Видеть космос...
А не убить, а не украсть —
ах, боже мой, как это просто!

Спросили, чем я занимаюсь.
Пришлось сказать: пишу стихи.
«Люблю грозу в начале мая?
Понятно... Хобби?» — и «хи-хи»...

«А специальность? Что кончали?
Небось, простите, педагог!»
...Но я отделался молчаньем.
Я промолчал. Теперь я — мог.

А раньше я такого дядю
стегал лучами строк своих,
кричал, что я не тунеядец!
И все считали, что я псих. . .

Как мало нужно для смиренья:
всего лишь горсточку ума.
И вот случилось озаренье:
я разглядел людей, дома;

постиг безмолвие каменьев
и подвиг птичьего труда,
и что песчинку не заменит
собой никто и никогда;

и смех травы, испившей влаги,
изгиб реки, провал дождя,
и эти яростные флаги,
и вечный тот прищур вождя, —

все озарилось как бы внове,
и все пронзило как бы вновь! . .
И, как мадонна в изголовье,
Земля, несущая Любовь.

МГНОВЕНИЕ

Там, в скалах города,
сквозь камень,
как будто россыпь птичьих глаз,
светились окна огоньками. . .
И вдруг — один из них погас!
Я, как звезду в игре наивной,
огонь тот выделил живой. . .
Он был с каким-то тем отливом,
моим, лесным (росы с травой?): . . .
И вот погас. . . В разгар раздумий,
в тот миг, когда я плыл мечтой
почти божественной, он умер,
тот огонек, над той грядой. . .
И я почти что ужаснулся,

как будто где-то существо
лишилось зрения и пульса,
и связи с разумом — всего!

...А двойники светились возле
того, бывшего огонька...

Но той судьбы, той жизни — после
уж не бывать во все века!

НЕПОГОДА

Эти тучи. . .
Когда они мчатся над миром,
так беспомощно их
провожаю я взглядом. . .
Этот ветер,
который из туч этих вырос,
деловитый, бесстрастный,
как будто закованный в латы.
Этот дождь,
бесконечно идущий, секущий,
ударяющий в крышу
всем весом, всем телом.
Этот скрежет деревьев,
кричащих, большущих

и беспомощных перед игрою удела.

Эта муха,
грызущая потные стекла,
отделенная рамой оконной от шквала...

Это — ночь...

Это вечность раздетая мокла.

Это вечность,
которая все обнимала.

БУМЕРАНГ

Когда спадет июньская жара,
и белый день сольется с белой ночью,
и облака на небе, как кора,
зашелушатся дождиком молочным,
тогда спешу, горячий, на балкон
и с высоты, как с горнего причала,
обозреваю то, что испокон
моя земля Россией величала.
. . . Маячат краны в мареве ночном,
гремят суставы шустрой электрички,
и пахнет лесом жженым,
как вином,
и, теплый, дышит в руку мне кирпичик,
нагретый за день. . .

Дом — как добрый конь.
Я закрываю потихоньку веки
и так стою. . .
И падает балкон,
и мир несется, маленький и ветхий,
и словно брызги — звезды по бокам,
и — мимо солнца, разуменья мимо,
как бумеранг!
Пока неумолимо
к своим же вновь не падаю ногам.

ГЛУХОЕ ОКНО

Стесняясь,
как будто воруя,
глядел я в чужое окно.
Там воздуха теплого струи
шатала портьер полотно.
И я,
не бездомный, не юный,
познавший и сладость, и боль,
на что же я, собственно, клюнул?
На некое таинство, что ль?
Каких это дивных событий
я ждал под луной фонаря?
Явитесь же!
Что же вы спите?
Ужель сумасшествую зря?!

Но шторы дрожали в простуде,
но стекла дымились в пыли...
Как будто здесь вымерли люди
еще до рожденья Земли.

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА

И вот я посетил мадонну...
И свет ее счастливых глаз,
мучительный и монотонный,
с тех пор в душе моей не гас.
Сквозь серый камень галереи,
сквозь серый твидовый поток
толпы,
желавшей чуда, реял
ее заоблачный восторг!
Пройду ли,
на могилах века
рожденный, на его ветрах,
пройду ли гением проверку,
не обращусь ли тут же в прах —

при жадном взгляде в эти очи,
как бы при взгляде в смерть свою? . .
Но я остался жив. И прочен.
И снова втиснут в колею.
Земля меня опять вращала,
перемещала вдаль и вглубь. . .
И помню, где-то на Камчатке
забрел я в сумеречный клуб.
Мороз у входа по собакам
топтался, шкуры серебря.
И в стены хвойные бабахал!
И ночь текла. . . И вдруг — заря!
Среди портретов и плакатов
на видном месте, вся как дым,
мадонна кралась виновато
с младенцем глупеньким своим.
И что несли? Куда спешили?
Какой поил их очи свет?
А в клубе — пели. В клубе — жили.
И не давали мне ответ.

* * *

На вокзале, в немолкнущем гуде,
выделялись какие-то люди.
Было их на диване у входа
человек этак десять народа.

На вокзале — почти на базаре:
люди тоже в угаре, в ударе.
Не торгуют, конечно, уж где тут,
чемоданы хватают и едут. . .

А у входа, у выхода, значит,
как-то люди держались иначе.
Незаметно, в намеке, в начале
эти люди от всех отличались.

Не заморской одеждой, не речью,
только все ж отличались, конечно.
... Подошел мой состав, на котором
я уехал, покинул тот город.

И весь путь мою память терзали
непохожие те — на вокзале.
Очень долго не мог их постичь я...
Да была ли причина отличья?

А причина была безусловно:
улыбались они поголовно!

ЗАБЫТЫЕ ПИСАТЕЛИ

Вахтер, проявляя забавное бденье,
фильтрует входящих. . . Но вот без проверки
проходят какие-то шаткие тени,
какие-то, впавшие в сны, канонерки.
Они проплывают неслышно к буфету,
мокают уста в исторический кофе. . .
И пахнут эпохой их драпы и фетры,
и солью — осевшие в томики строфы.
Они исподлобья бросают улыбки,
в надежде, что кто-то узнает. . . Но — тщетно!
Их зренье, их память, их шаткость — улики
безмерной печали, обнявшей их щедро.
Они уже книг не читают, не пишут
и даже не носят. . . Замена им — посох.

Они застывают, как статуи в нишах,
устав от одышек и глупых вопросов.
.. Писательский клуб вечерет, и бойко
шумят молодые о доле и цели!
А старые вдруг разбредутся по койкам,
и кто-то обронит: «Вот раньше шумели. . .»
Наденет писатель дурацкую шляпу,
мелькнет его тень за окном угловато,
и, словно с кораблика в волны по трапу,
сойдет, не обретший ни славы, ни злата.
И долго, зажатые в жухлых страницах,
его неказистые мысли и строчки,
как воды глубинные, будут сочиться,
чтоб где-то пробиться слезою проточной.

* * *

Саше Харитонову

Художник рисовал Москву.
Его мольбертик колченогий,
напоминавшая траву
бородка —
были столь убоги,
что на бульваре малышня
о нем и та забыла вскоре. . .

«Художник, нарисуй меня
на этом сереньком заборе», —
так я сказал ему, и он
весь улыбнулся мне невольно. . .
«Я нарисую прежде — звон
вон той потертой колокольни!»

...А приуставшая листва
сходила с клена прямо в лужу.
И где-то строилась Москва —
вся нараспашку, вся наружу!
Светилась, окнами слепя,
звенела глотками набатно!

«Художник, нарисуй себя —
фнгурку старого Арбата», —
так я сказал ему. В ответ
он улыбнулся мне навстречу:
«Я нарисую прежде — свет,
пока его не выпил
вечер. . .»

* * *

Работа есть. И пища. И тряпье.
Покойное, как дача, бытие.
Ни яблока сорвать в чужом саду,
ни вредному соседу нос расквасить. . .
Похоже, что бородку заведу,
уютную бородку типа «классик».
Бывало, телу — хлебом не корми —
дай пострадать, попринимать удары.
Но в угол сердца свалены кошмары
от всяческих свиданий не с людьми.
Бродячие рюкзачные друзья,
о, скольких я
в зеленой жизни встретил!
До сорока — всё мальчики, всё дети,

а с сорока — уж старцы...

Так и я...

Иллюзии, что стертые в порошок,
теперь волнуют тихо, как подарки...

Давно я что-то не был

в зоопарке,

а забывать друзей — нехорошо!

ЛИРИКА С ФИЗИКОЙ

Постепенно становится все на места:
было синее небо,
теперь — высота!
Раньше голову ветер ласкал,
а сейчас,
а сейчас это вовсе не ветер,
а — газ.
Там, где море гуляло и пело всегда,
там — соленая попросту в яме вода.
Не береза глядит-улыбается в пруд,
а стоит — древесина!
И нечего тут. . .
И не годы летят, серебрясь от росы,
а какие-то там человеко-часы. . .

И не очи,
а органы зрения вдруг
не любимый закрыл,
а — законный супруг.
. . . Все становится твердо на обе ноги!
Там, где разум сверкал, —
обитают мозги.

Но струнка. . . Колеблется в воздухе струнка:
на что уповать?

На улицу, к людям! Обняться с друзьями.

Ударить в ладоши и выпить вино.

Давненько я, други, не виделся с вами,
ужасно давно!

И вот уже с глаз заструилась угрюмость,
подтаяло сердце, пора танцевать!

Но рюмка. . . Звучащая в воздухе рюмка:
на что уповать?

И я вспоминаю! Хватаю пальтишко.

Бегу, спотыкаюсь о лес и холмы.

И ты мне кричишь, обнимая: «Мальчишка!»

И счастливы мы.

Ты смотришь большими, как завтра, глазами,
укрыв мое сердце в своем. . . И плевать,
что мне по дороге к тебе не сказали,
на что уповать. . .

НА ДЕВЯТОМ ЭТАЖЕ

Высоко я живу. Высоко и вольно!
Надо мной толчея измочаленных туч.
Я давно не спускался на пешее дно
со своих коммунально-подоблачных круч.
Иногда я курю: невесомый дымок
улетает в окно, как частица меня.
Иногда я бросаю на землю зевок,
предварительно голову набок склоня.
Оставаясь под крышей, я верю мечте,
что однажды я стану одною из птиц. . .
По какой-то незримой, но плавной черте
я мелькну, улетаю, при свете зарниц.

КРАСИВЫЕ ЛЮДИ

Они проходят в наших судьбах,
как корабли, сверкнув бортом,
обдав улыбкой! И, по сути,
мы знаем их всегда потом:

потом, когда на волнах жизни
растает их и свет, и след. . .
И только тот — нетленный — признак
еще сквозит, хоть плоти нет.

Красивый ум, красивый профиль,
красивый тенор или торс,
они для нас — как в доме стены.
А что за ними? Вот вопрос.

Но для проверки время нужно.
Пройдет корабль. Утихнет шум.
И мир очнется: это ж — Пушкин!
Огонь его души и дум. . .

На мачте облако косое!
Мир ахнет парусу вослед. . .
А это — мученица Зоя
из тех, из всех прошедших лет. . .

Торчит ладья на гребне глубли,
гребца не видно, виден бег!
А это тот, кого ты любишь,
красивый тоже человек. . .

Они проносятся, блистая,
и нет движенью их конца. . .
И оседает красота их
в чертах российского лица.

ПУШКИНСКИЙ ЧАС

Кто там бродит по белому февралю
в лакированных туфлях и аглицком фраке?
Заблудился в России, в ее «улюлю»,
на дорогах безвременья, светлый во мраке.

Ни единого беса во псковских полях.
Бесы вышли на Невский и мчатся вдоль окон.
И выходит поэт на кибиточный шлях,
одинокий, — и в снах одинок он. . .

«Подвезите! Я вынужден. . . В Петербург.
Только просьба: не бейте несчастных лошадок. . .
Неприменно — не бейте! Послушай-ка, друг,
ты ведь знаешь, что этого делать не надо. . .»

Есть у каждой профессии бог свой, герой.
Не всегда он богами наземными признан.
Вы встречали на Мойке ночью порой
человека в цилиндре? То вовсе не призрак.

Это наша поэзия в пушкинский час
поверяет дозором былые владенья. . .
И пожалуйста, все, кто не умер меж нас,
постарайтесь проснуться на это мгновенье.

ВОЛНЫ НЕРУДЫ

Когда на земле еще не было слова
и свет по ночам подавался от молний,
над родиной жизни, над всею основой
уже грохотали поэзии волны!

Дышало лишь солнце, и протуберанцы
играли, чаруя безгрешную землю,
а тело поэзии в будущем танце
уже начинало вращаться над всеми...

И тело поэзии — в грезах ли, в гудах —
в каком бы обличье оно ни являлось,
уже называлось и гордым, и мудрым,
и Пабло Нерудой оно называлось...

И жил океан, сотрясая подножье
жилища поэта. . . И свет его окон
был тоже астрален и вечен, и все же
он был на земле зацветающей соткан!

И грызли тот свет неразумные крысы,
и вили на нем перепонками твари,
хотели из жизни изъять этот признак. . .
Но свет от сияния сердца астрален!

. . . Я не был на каменном берегу Неруды,
не знаю, куда его спрятали тело,
но волны Неруды — туда и оттуда —
свое неумолчное делают дело.

Какие циклоны, какие циклопы
лишают тебя, твой огонь, оболочки? —
неважно!

Им нужно выплескивать злобу,
а свету — светиться сквозь тело,

сквозь ключья!

Затем и содержится в воздухе чудо.
И пусть его меньше, чем злого азота,

и пусть ему имя сегодня Неруда,
а завтра иного звучанья и сорта, —
неважно!

...Замучь одного, а пребудет
всему человечеству тошно и больно...
И это не плач о погибшем Неруде,
а — волны Неруды!
Нерудовы волны...

БЕСЕДА

Все дорого натруженной душе:
и речи тихие, и собеседник местный —
весь в сумерках, в тени, в карандаше
рисунком возникающий из кресла.

И льнет, и льнет беседа, словно бинт.
В окно стучит рябина горькой кистью.
А собеседник домыслы дробит,
и с ним не страшно: он — приемник истин.

Колышатся два слова: «Бога — нет. . .»
За стенкой ходят. . . Я держу улыбку,
как собачонку, за цепочку лет.
И голос у беседы шаткий, зыбкий. . .

Воркует за стеною телефон.
Заварим, что ли, чаю поядреней!
Но собеседник запросился вон. . .
Ну что ж, иди. . . Иди к своей Матрене.

Беседа завершилась, как всегда, —
наедине. . . С самим собою в кресле.
Все дорого душе: и спад^д труда,
и крик певца, и шум семьи воскресной.

Беседа длится. Мне ее вести
со всей землей, со всем ее семейством.
Поговорим, рябина! Не грусти. . .
И ты, сверчок, довольно плакать! Смейся. . .

Беседует земля сама с собой,
с самим собой зерно заводит речи,
а я ищу беседы или встречи,
прикосновенья к малости любой.

* * *

«Кому повею печаль мою?»

Кому о радости поведать?
Печали розданы. Их нет.
«Опять ты бодренький с рассвета?» —
корит меня дружок-поэт.

Его сомненья, как вериги,
бренчат, пугая певчих птах.
«Пошто, — ворчит, — штампуешь книги?
Пошто улыбка на устах?!»

А я и сам своей свободы
почти стесняюсь. . . Вот скандал!
Я просто новый, а не бодрый.
И вроде — верующим стал.

Бреду воскресшими полями,
где в юны лета шла война.
И грудь уже не гложет пламень
обид на то, что жизнь — одна.

Одна! Зато какая радость,
что вот — была! Смогла посметь. . .
И разве смерть придет в награду
за нашу веру? . . Разве — смерть?

ЕСЕНИН. 80 ЛЕТ

Могу представить Блока
согбенным старичком:
жена белеет сбоку
и тросточка — торчком.

Взрывной и непослушный,
в зигзагах бороды,
вбегают в старость Пушкин
и сразу с ней — на «ты»!

Бесстрашен и безбожен,
весь затаенный крик,
но все ж представить можно,
что Лермонтов — старик. . .

И лишь один. . . С гитарой,
с оравой прихлебал
не умещался в старость,
как я ни представлял.

То чубом, то глазами,
то песней завитой,
то всей резной Рязанью
не лез в парик седой!

Вот он стоит сквозь возраст,
и стать его пряма —
под русскою березой,
как молодость сама!

Стоит, как крест над храмом,
как музыка земли. . .
И на душе — ни шрамов,
ни пятен. . . От петли.

НАВОДНЕНИЕ

Оболочка есть обман — убеждает разум.
Что Великий океан, что слеза под глазом.
...Где-то около шести радиокоробка
в жажде тонущих спасти зашуршала робко:
всем живущим — начеку оставаться в мире!
Значит, скоро паучку брассом по квартире...
Старый дом. Живем внизу, в глубине планеты.
Уплывает кот в тазу к двери туалета.
Ветер в окна, как таран. Холодна припарка.
Жаль, не тот открыла кран в небе кочегарка.
...Я гляжу в свое окно с затаенным жаром.
А вода уже давно выше ординара.
А вода встает стеной, в стены жизни лупит!
Как там эти, за спиной, те, кого мы любим?

* * *

Достучаться до звезд.
Вот и все, что мне надо покуда.
Разойдитесь, вечерние тучи,
не застите чуда.
Откатись за леса, за ночные увалы, уралы,
мелкий дождик стеной, обложной.
Появитесь, прогалы.

Заливает глаза,
как течение времени, влага,
Не покиньте меня в этой жизни,
любовь и отвага.

Я уже пересек
ту золотую полосу вхождения в радость.

И отныне подарки судьбы
никогда не приму за награды.

Слышу зреющий стук —
миллиарды сердец барабанят.
Достучаться! Добиться!
А тучи сшибаются лбами. . .

Достучаться! До звезд.
До сигнала оттуда. До связи.
Не в дожде, не в земле раствориться,
а в вечность скользнуть!
Восвояси.

РУБЕЖИ

Беспристрастно, как птица с вершины полета,
без добра или худа, без правды и лжи
я гляжу на бегущие в рвах и болотах,
на шуршащие в скалах ничьи рубежи.

Зеленеют солдаты. Торжественно мокнут.
Полосатый шлагбаум ложится на путь. . .
А в ничейном кустарнике птицы не молкнут:
всепланетные песни терзают им грудь.

Вечереют солдаты. . . Торжественны лица.
Я гляжу беспристрастней, чем каменный пик.
А земля, будто в трещинах, в этих границах,
подо мною, растущим к звезде напрямик!

Собираю глазами наземные краски,
запираю себя на амбарный замок. . .

И срываюсь! И бьюсь! Не могу

беспристрастно. . .

И на русскую землю валюсь, как щенок.

Обнимаю корявую старую вербу,
поднимаю над полем себя, как свечу. . .

И в стальную, пшеничную, кровную — верю!

И вовек никому отдавать не хочу.

* * *

Когда сидишь с поникшей головой
и принуждаешь руку к писанине,
ты вспомни, что под тихую травой
лежат они, которых нету ныне. . .

Простерты скифы, дремлет Древний Рим,
не шелохнется ранняя Эллада. . .
Как драматично все, что мы творим,
какая в этом горькая услада!

Но все ж — творим! Всечасно, каждый миг.
Такие нам, живущим, полномочья.
И славен тот, кто правит напрямик,
и что с того, что путь его — короче?

Держи перо! Как гибкое весло.
И знай гребни! Чтоб рокотали звуки. . .
Куда бы нас при жизни ни снесло,
маршрут один: к своей звезде сквозь муки!

И дивно лицезреть, как человек
(не капитан!) торжественно и честно,
не покидая тонущий ковчег,
уходит с ним в ликующую бездну!

ТРЕТЬЯ ЛЮБОВЬ

Пора листопада, распада,
а в мышцах — забота:
хожу до упада, до скрипа,
до крупного пота.
Хожу по ландшафту
в надежде куда-то приткнуться.
Под радужным шарфом
десяток намерений куцых.
Спаси меня, боже,
от встреч и моторного шума.
Не хочется больше
ни есть, ни делиться, ни думать...
Два дерева встретил:
растут на лиловой поляне.

Я буду здесь третьим!
Лесник, зафиксируй на плане.
Я тяжкие ноги
вкопаю в душистую почву
и здесь без тревоги
застыну на долгие ночи.
А город, а плиты,
где Лада стучит каблуками,
да будут залиты,
как морем, — моими стихами.
О хлебе, о боге,
о песне, что пела нам дева!
. . . Как скованы ноги
свободой — у третьего древа.
Как робко вцепились
в материю Родины корни. . .
Как гордо любилось.
Как любим отныне покорно.

СОДЕРЖАНИЕ

1

«Проснулся и слышу в редяющей мгле...»	7
Воскресающий луч	9
Ржаные острова	11
Избранник	13
Черные кони	15
«Склонили головы подсолнухи...»	17
В дороге	
1. «Корявые хвойные лапищи...»	19
2. «Распята сухая дорога...»	20
Дом	21
«Не плачь ты, осень, безутешно...»	23
Свидание	25
Ночные ромашки	27
Считалка	28

Не мудрствуя	30
Улыбка в зеркале	32
«С каждым годом все ненужнее...»	35
«Да святится имя твое, Земля!...»	37
Живая вода	39
Кто он?	41
Метеорит	43
Нарушители тишины	45
Токи	47
«Всю ночь собака лаяла надсадно...»	49
Рябиновый хуторок	51

2

Паровозик	53
Попытка возвращения	55
Перед полетом	57
«Писать уехал светлые стихи...»	59
«Беспечен, как снег на вершине...»	61
Сирые города	63
Старая пластинка	65
Надпись на могиле пилота	67
«Бездомная, лошадь...»	69

«Стороной объезжаю Васильевский остров...» . . .	71
Сны	
1. «С вершины Петропавловского шпиля...» . . .	73
2. «Земля покрылась колокольнями...»	74
Ироническая хроника	
1. Памятка	76
2. Родительский диалог	77
3. Актриса	78
4. Приятель	79
Катаклизм	81
«Все некогда осмыслить бег времен...»	83
Из старых стихов	
1. Одиночество	84
2. Футбол	85
Две волны	87
Явь	89
Кладкопатели	91
Реставрация фрески	93
Цветы Новгорода	95
«В парке города, у входа...»	97
«На костре при лунном свете...»	99
Жена	101
Не страшно	104
Белорусские бабки	106

«За окном старинный город...»	108
«Останови-ка, друг, машинну...»	110
Тихая птица	112
«Угорел от хорошей погоды...»	114
Поединок	115

3

«Найти себя не в годы странствий...»	117
Недо...	119
Быть	121
«Спросили, чем я занимаюсь...»	123
Мгновение	125
Непогода	127
Бумеранг	129
Глухое окно	131
Сикстинская мадонна	133
«На вокзале, в немолкнушем гуде...»	135
Забутые писатели	137
«Художник рисовал Москву...»	139
«Работа есть. И пища. И тряпье...»	141
Лирика с физикой	143
На что уповать?	145

На девятом этаже	147
Красивые люди	148
Пушкинский час	150
Волны Неруды	152
Беседа	155
«Кому о радости поведать?..»	157
Есенин. 80 лет	159
Наводнение	161
«Достучаться до звезд...»	163
Рубежи	165
«Когда сидишь с поникшей головой...»	167
Третья любовь	169

Горбовский Глеб Яковлевич

ДОЛИНА

Л. О. изд-ва «Советский писатель». 1975 г.
176 стр. План выпуска 1975 г. № 125
Редактор *И. С. Кузьмичев*
Художник *Н. И. Васильев*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *М. А. Ульянова*
Корректоры *Ф. Н. Аврунина*
и *Р. М. Данциг*

Сдано в набор 3/Х 1974 г. Подписано в печать 28/І 1975 г. М 21086 Бумага 84×108^{1/64} тип. № 2. Печ. л. 2^{3/4} (4,62). Уч.-изд. л. 3,26
Тираж 20 000 экз. Заказ. № 1008. Цена 46 коп. Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. Ленинград. Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.